

Контрапункты

КОНТРАПУНКТЫ

СТИХИ

Вера Зубарева, Борис Кокотов, Борис Кушнер

Seagull Press
Baltimore
2008

Контрапункты
стихи

Вера Зубарева, Борис Кокотов, Борис Кушнер

Counterpoints
Poetry Collection

Vera Zubarev, Boris Kokotov, Boris Kushner

Copyright © 2008 by
Vera Zubarev, Boris Kokotov, Boris Kushner
All rights reserved

Cover design by
Irene Frenkel, Vera Zubareva, Vadim Zubarev

Published by Seagull Press
516 Academy Road, Owings Mills, MD 21117, USA

Printed in United States of America
First printing 2008

К ЧИТАТЕЛЮ

ВЕРА ЗУБАРЕВА: Цель этого Вступительного слова – рассказать читателю о сборнике то, что до сих пор знали только мы. Всё, остальное, чего мы не знали, могут лучше нас написать критики, если этот сборник попадётся им под руку (надеюсь, не под горячую). Итак, замысел этой книги «на троих» родился, казалось бы, неожиданно, но, следуя теории предрасположенностей Арона Каценелинбойгена, за этим стояла довольно «развитая стадия предрасположенности», которая включала в себя много различных компонентов (как и положено предрасположенности, выстраивающейся не из одного-двух, а набора всевозможных признаков). Прежде всего и изначально, нас связывает пагубное пристрастие к «внецелевой целесообразности». Поэзия есть одно из её наиболее ярких проявлений. Но этого недостаточно, чтобы пожелать объединиться в трёхчастную молекулу сборника. Нужно то, что в английском называется *chemistry* (ничего общего не имеет с русским «химичить»). Настроенность на одну волну было следующим шагом к созданию этой предрасположенности. Как оказалось, во многих случаях мы даже понимали друг друга без слов, и улавливали мысли на расстоянии Филадельфия – Питсбург – Балтимор. Кроме того, нам всем присуща автономность (поэтому мы не триада), и не чуждо ничто человеческое (поэтому мы не троица). У нас есть общие темы, которые нас волнуют, но обсуждение их рождает многоголосие со всеми вытекающими из него контрапунктами. В результате работы над сборником, мы обнаружили, что это, пользуясь музыкальными терминами, скорее похоже на трёхголосную фугу.

БОРИС КОКОТОВ: Мой приятель, художник Гена Гурвич, пишет свои автобиографии в обращенной хронологии. Первую строчку всегда занимает последняя выставка, далее – следует список предшествующих, потом дата переезда в Штаты, ну и так далее. А в самом конце мы узнаем о событии, имеющем исчезающую вероятность, но тем не менее абсолютно достоверном, – Генином появлении на свет. «Нормальная» биография непредсказуема и незавершена. Обращенная – поражает своей стройностью и неколебимой целесообразностью, она всегда полностью закончена. В свете сказанного, когда эта книга выйдет из печати, в биографии каждого из ее участников событие это по праву займет верхнюю строчку. На короткий срок судьбы авторов, линии их жизней пересеклись – и точка пересечения сделалась точкой отсчета – или лучше сказать, развилкой, вроде былинно-сказочного перекрёстка.: направо пойдёшь – коня потеряешь, налево пойдёшь – в мехмат попадешь. Конь, разумеется, шахматный; один из Борисов терял его неоднократно, серьёзно и долгие годы увлекаясь мудрой игрой. Зато мехмат – самый что ни на есть настоящий, в котором другой Борис учился а затем преподавал. Пойдя прямо, неизбежно попадешь в город у моря, в драматический кружок или куда-нибудь еще, не столь драматическое, но тоже волнующе-захватывающее, как и всё, что связано с третьим участником этого сборника, Верой. В сказке развилка появляется ниоткуда, вне всякой логики; она – одноразового пользования, разрушающаяся как только выбор сделан. В реальной жизни (для простоты следовало бы сказать – в несказочном контексте) происходит нечто иное: однажды возникнув, развилка становится несокрушимой, хотя её «развилочное» качество постепенно ослабевает, и в туманной дали (прошлого? будущего?) дорожки незаметно сходятся. Но в нашем случае эта метафора не работает, поскольку читатель может идти по всем трем дорожкам одновременно (превзойдя таким образом фотон в известном квантовом опыте со щелями). Впрочем, для того, чтобы это произошло, прочтение книги Читателем должно явиться событием в Его жизни, занять - пусть не надолго - первую строчку в Его «биографии по Гурвичу».

БОРИС КУШНЕР: Когда Вера и мой тёзка Борис Кокотов пригласили меня участвовать в этой необычной книге, я подумал – получится ли? Все знают, кого в одну телегу «впрячь не можно». А можно ли впрячь трёх «трепетных ланей»? Об этом поэт умолчал. Мы такие разные. Вдобавок я встречал Веру и Бориса только в виртуальном пространстве. Почти телепатический контакт. Тем не менее, при всех различиях нас объединяет нечто значительное, хотя и печальное. Ощущение времени, неостановимого, неумолимого времени. Чем дальше плывёшь по его Реке, тем быстрее течение, тем больше потери. Прощальные стихи, стихи памяти... Всё больше их. Как читать эту книгу (если читать)? Мне вспоминается здесь итальянский композитор девятнадцатого века, рекордсмен полифонии Пьетро Раймонди. Одним из невероятных его творений был триптих ораторий Потифар-Иосиф-Яков. Оратории предполагалось исполнять сначала последовательно, а затем все вместе (!). Такой марафонский концерт действительно состоялся в Риме в 1852 году. Думаю, также может поступить и наш читатель, если найдётся таковой. Читать отдельно и всех вместе. Контрапункт, как известно, искусство соединения независимых голосов в *финально* гармоничное целое. Я подчеркнул слово «финально», поскольку в пересечениях голосов-линий могут образовываться такие диссонирующие созвучия, которые не снились отъявленным авангардистам. Так бывает у Баха. Но итог – гармония. Надеюсь, что читатель именно так услышит наш контрапункт.

Борис Кокотов

БОРИС КОКОТОВ – поэт, переводчик, литературный критик – получил техническое образование и работал научным сотрудником в одном из московских исследовательских институтов.

Начало литературной деятельности Бориса приходится на семидесятые годы, когда появилась его первая книга стихов «Эстампы».

С 1991 года живет в г.Балтиморе, США.

Автор шести сборников стихов, последний из которых, «Воздушные ямы», вышел из печати в 2007 году, а также ряда эссе и переводов из немецкой, английской и современной американской поэзии.

Публикуется в периодической прессе США, России, Германии и Израиля.

“Стихи Бориса Кокотова – ярко-образны, осязаемо предметны, современны и звучанием, и ритмикой, и особой многомерностью поэтического взгляда.

Несущая линия его поэзии отмечена пластичностью, изяществом, музыкальностью. Однако, при всей привлекательности формы, ткань стиха - не самодавлеющая, ибо всякий раз проявляется стремление поэта к размышлению и высказыванию не лукаво-игровому, но важному и весомому по своей человеческой сути.” (Сергей Шелковий)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

1.

Когда над могилой твоею
апрельское солнце встает,
я сердцем понять не умею,
что годы прошли, а не год.

Плита и цветник за оградой,
песок желтоватый, скамья,
короткая надпись: две даты –
оплаченный счет бытия.

Смерть стерла черты твои с фото,
и запах вещей стал ничьим...
Забвение – это забота
последняя тех, кто почил.

И вот, с каждым шагом всё ближе
к границе сознания и сна,
из памяти ты, как из жизни,
уйти неизбежно должна.

Неслышно подходишь к кровати,
как в детстве стоишь надо мной
с безмерной любовью во взгляде,
где я похоронен живой.

2.

На фотографии предвоенного года
мои родители... Красивая пара!
И молоды... молоды... Студийное фото:
-Подбородок повыше, голову чуть-чуть направо-

То, что случилось, случилось не с ними:
эвакуация, смерть сынишки...
Зачем из хаоса возникает Снимок
под выхлоп пасмурной фотовспышки?

Отец обнимает маму за плечи...
Как они счастливы, эти ребята!
Карточка, пропуск в картонную вечность
на предъявителя, без дубликата.

Молод отец и мама красива...
-Наклонитесь, пожалуйста, ближе к даме-
На миг застыли пред объективом
и смылись – только их и видали...

3.

На обочине вечности разговор тет-а-тет.
Прохрипела труба архангела - сборы? побудка?
На ладони у Бога спит мой старый отец,
перевитый, как пуповиной, дыхательной трубкой.

Я хочу дотянуться хотя бы ресницей строки,
я пытаюсь прочесть в серый камень обутое слово...
Разрушая миры в оголтелой игре в городки,
о, Небесный Отец, для чего отнимаешь земного?!

Если лик Твой сокрыт, если имя Тебе – Немота,
если бедный мой папка – подушка для швейных иголок,
если плач мой – под каменной буквой черта,
пусть архангел тогда не дудит у пустых мышеловок!

...На обочине вечности боль превращается в свет.
Облекаются в свет шаткий столик, газета с кроссвордом...
«Ты простужен, сынок?». «Не волнуйся!» – шепчу я в ответ...

Эхо звёзд.

Остывающей меди аккорды...

НЕСКОЛЬКО ПРОСТЫХ СЛОВ

кончается зренье и слух
кончается лес и река
кончается тело и дух
кончается век мотылька

кончается век-мотылёк
качается тело реки
лесное дыханье дорог
увенчано взмахом руки

почувствуешь ветра крыло
тебя зацепило крылом
мгновение века прошло
ни слуху ни духу о нем

пасутся в лесу облака
и ветер летит не спеша
в душе утонула река
в реке отразилась душа

ТИШИНА

Рельс стальное лассо –
пулемётная лента.
Всех пустили в расход.
Тишина вирулентна.

Над равниной ползут
облака в виде танка.
Вот страна, где войну
называли «гражданка».

Пулемётчик строчил,
пулемёт захлебнулся.
Всех пустили в распыл.
Ни один не вернулся...

ЗРИТЕЛЬ

московских гусениц полнометражный зритель
квартировать близ зоомагазина
ты был бы счастлив, и ходить за кормом
для рыбок с золотыми плавниками
по палубе кузнецкого моста,
читать печаль, как музыку, с листа.

переверни стеклянную страницу
где гегель плавает и шустрый фейербах,
и пастырь их с улыбкой олимпийца
на папирсой скомканных устах
лениво возглашает: – господа,
что мы теряем, в сущности, когда...

НО ЕСЛИ Я ВЕРНУСЬ...

Я проплываю над ночной столицей,
неотвратно двигаясь к «Трубе»,
нелепый призрак в талесе и ципес,
бездомный странник в кедах и кипе.

Я мимо Форума стекаю по Садовой
– крылато к подворотням липнет тень.
И вот – «Труба», вот школа-рядом-с-домом,
вот двор наш, утонувший в темноте.

И я завис, бесплотен абсолютно,
над этим утлым уголком земли,
над переулком, спящим беспробудно,
над липовою тайной старых лип.

Мне не за что просить у них прощенья,
мне нечего бояться их суда:
я если и вернусь – то только тенью.
Но если я вернусь – то навсегда.

Примечание:

«Труба» - Трубная улица (в центре Москвы) на жаргоне
шестидесятых;
Форум – название кинотеатра на Садовой (Москва).

АБЕРРАЦИЯ...

Рыжеватый лес на фотографии –
так, пятно цветное, если вдуматься...
Чем-то мы природе не потрафили,
и она капризничает, дуется.

Птичка выпорхнула, вспышка хлопнула,
мальчик улыбается старательно...
От любимых остаются копии,
от фотографа – глазок видоискателя.

Пестрый лес, как бы устав позировать,
изогнулся наподобье ящера.
Прошлое, преломленное линзами,
превратилось в наше настоящее.

Листья падают. Стряхнув остатки ретуши,
мир цветной отсвечивает глянцево.
Мальчик улыбается доверчиво...

Или это только aberrация?

ОПЛЫВАЮЩАЯ СВЕЧА

Оплавает сумерек стеариновая свеча...
Осень потроха... (не путать с *Осенью Патриарха*)
Вытягиваю из себя паутинку, лапками суча,
вздрагивая судорожно, как заправский арахна.

Эфирная сеть усеяна усохших планет комочками,
высосанными воображением прячущегося в засаде
Повелителя Мух (не путать с задроченным
богом философов, помешанных на пиноколаде).

Буратины букварь – злые прописи лесопосадок,
шестипалая школа любви в Окнах Роста...
Обескровленный свет, как строка, выпадает в осадок
и ложится на музыку трав так бессмысленно просто.

ПЕРЕМЕНА МЕСТ

*«От перемены мест слагаемых
сумма не изменяется»*

Не изменяется сумма, как жизнь не переиначивай:
те же лица (пусть в иной комбинации),
номера телефонов, как нехитрый мотивчик, привязчивы,
дата рождения – на выигравшей облигации.

Факты – упрямая вещь, но не упрямее выдумок:
любые различия постепенно стираются.
Исключение из правила – детские кубики:
при перемене мест картинка не получается.

На предметах печать великолепной небрежности:
границы размыты, цвета приблизительны.
Только числа точны, и то, очевидно, из вежливости.
Дробь, впрочем, всегда были мне подозрительны.

Вера Зубарева

ВЕРА ЗУБАРЕВА – писатель, литературовед и режиссёр, автор 12 книг поэзии, прозы и литературной критики, главный редактор журнала «Гостиная» (<http://www.ulita.net/gostinaya.html>).

Её книги выходят также в переводах.

Вера закончила Одесский Государственный университет, филологическое отделение. В 1989 году Вера эмигрировала в США с семьёй и в настоящее время проживает в Филадельфии. В 1995 году она защитила докторскую диссертацию по теории литературы в Пенсильванском университете, где в настоящее время преподаёт искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах.

Первая книга её стихов, «Аура», вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной (Филадельфия, 1991).

“Сначала я увидела её стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря. И сама милая Вера очень понравилась мне! Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающей удачу, но оберегающей от суеты, вздора, поспешности. Её стихи – изъятие ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве”. (Белла Ахмадулина)

В 2003 году в Швейцарии вышла в свет её книга стихов «Трактат об ангелах» в переводе на немецкий (рисунки Эрнста Неизвестного). Книга была награждена тремя дипломами и премией ТОП КНИГА на международной книжной ярмарке «Зелёная волна».

Вера также является режиссёром-постановщиком и сценаристом. Её фильмы отмечены премиями на кинофестивалях и демонстрируются по американскому телевидению.

Подробнее о Вере Зубаревой можно прочитать на сайте:

<http://www.ulita.net/ulea>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ах, ухватиться б за подол заката
И плыть, и плыть – туда, где не объято
Никем, пространство жмётся на краю
Всего земного, что уму понятно,
И напевает «баюшки-баю».

И на зеркально-синей акварели
Качаются как лодки колыбели,
Плывут как сны туманы вдоль земель,
И лунный свет играет на свирели
И нить судьбы мотает на свирель.

А ночью кроны – как большие крыши.
Под ними заклинается в двестишь
Магическое «баюшки-баю».
Ты слушаешь. Ты спишь. А край всё ближе.
Как ни ложись, проснёшься на краю.

И смешивая сумрак с небесами,
Единый кто-то, множась голосами,
Поёт одно и то же – «не ложись!»,
Но исподволь меняет всё местами.
Очнёшься, вздрогнув. Полоснёт, как пламя...
«Кто это был?» И вдруг прозреешь: жизнь.

* * *

В дождь сильнее привязанность к дому,
Дольше улицы вьются к теплу,
Придается значенье подъему
И разрытой трубе на углу.
В дождь все земли приходят к единству
По слезе, по струе, по реке –
По земному размазавшись диску –
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нота,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, просохло давно.

ВЕНА

Вена ещё далека.
Автобус подъехал к дому.
Каждому – два глотка
Воздуху или рому
Из опухолевых фраз,
Растущих в том, характерном
Направлении для метастаз.
Автобус заводится в нервном
Стремленье рвануть.
Сейчас!..

Посредине чёрной ночи –
Руки поднятые ввысь.
Посредине чёрной ночи –
Кто простишь, а кто – молишь.
Посредине чёрной ночи
То ли падал, то ли плыл
Дом опустошённый отчий
Сквозь ладоней млечный тыл.
Восклицанье «Вена! Вена!»
Заставало вновь врасплох
И, как скрытая каверна,
Прожигало каждый вдох.

Автобус юлит над обрывом.
Дорога к границе – что к Господу на суд.
По таким неправдоподобным извивам
Лишь ангелы смерти преставленного несут
По его же замирающим мозговым извилинам.
Каждый чувствует себя распиленным
Или расколотым вследствие грандиозной аварии
На левое полушарие
И на правое полушарие.

НЕБО ИТАЛИИ

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя, как фантом,
Меж созвездий, расставленных по новому небу.
Каждый мой последующий шаг
Всё дальше уводит от привычного ориентира,
А инакомыслящий Зодиак
Переворачивает основы мира.
Закрываю глаза, возвращаю себе небосвод,
Где созвездия – как бесформенные скопления.
Ночью звёзды России не складываются в аккорд,
Коль от каждой отлучают гения.
Итальянское небо, в котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп и обследуй квадрат за квадратом.
Так умерший, проплавав ещё в бытии,
Не поняв, что к чему, не распавшись на клетку, на атом,
Наконец-то умрёт, потрясённый, возле белых зеркал.
Белых-белых, как шок отразившихся близких.
Так и я, задрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни не вижу самой вокалистки.

К ВЕНЕЦИИ

Зимний воздух
Работы венецианских мастеров
Переливается в обрамлении кварталов.
Иллюзией двойственности миров
Наполнены кладези каналов –
Там колышется роскошь
Зацветших илом дворцов.
И плещущая о стены праматерь Хаоса
Сочленяет отражения и объекты,
Как сямских близнецов,
Этажами нижнего яруса.

Гондола со статуэткой гондольера
Покачивается в лужице золота.
Детали собора, где для полноты интерьера
Не хватает только серпа и молота,
Веселятся и утверждают
Собственные каноны.
Спёртые кони и фиктивные колонны
Разрастаются на солнце,
Будто в них подмешали дрожжи.
Над этими водами
Носился Дух Божий!

Венеция,
Ты будешь сниться всегда
Той, что смотрелась в твои каналы
И печалилась, что не оставила ни следа,
И о будущем ничего не знала.
Снись ей,
Как страннику снится кров,
Чтобы не шёл в бездуховном унынье.
Снись,
Вместо вытатуированных снов

На мозга исколотой половине,
Когда имя, написанное по латыни
Отчуждается от его родослов...
И когда шлагбаум опускается
Под стать гильотине -
Снишь!

* * *

Ночь состоит из ломаных линий
И вспышек комнаты между веками.
Уснёшь и снова в тёмном камине
Кто-то шкрябает сухими ветками,
Волхвует, откатывая дни за днями,
Пока закручиваешь игры с рифмами,
Незаметно продвигаясь к долговой яме,
Где корабль жизни обложен рифами.
Крошки звёзд просыпались в пропасти.
Налетели чёрные птицы-вороны.
Молчаливо склевали горсть за горстью,
И раздул их ветер на четыре стороны.
Посредине мира дыра над бездною.
На вершине мира – кормушка звёздная.
В центре мира – кровать железная
И чьё-то «я», никем не опознанное.
Свечка, зеркало, горстка пепла.
Взмах ресниц – комната, я же.
Скоро утро. Звезда поблекла.
Оставь всё как есть. Спи дальше.

* * *

Ныряет ночь
В узорах и изломах
Под тяжесть раздетых насекомых.
Пан-бархатом обшитое крыло
Дородной бабочки даёт внезапно промах
И возмущённо бьётся о стекло.
Феерии бесщётных светляков,
Что мчатся на огни особняков,
И разлетаются на мелкие осколки,
И сыпятся на травы и на ёлки.
Достигнуты заветные места.
Но как же и кому досталась та,
Другая жизнь, в нехитром до-мажоре
Проигранная запросто, с листа?
Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому, и жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды,
Запаянной, с их точки зренья, колбы,
Откуда ты, должно быть, приходишь –
Второй судьбы искусственный зародыш.

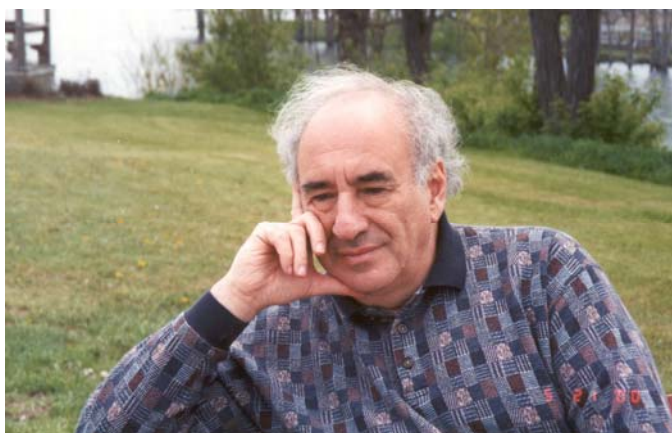
СТИХИ О ВОЛКЕ

1

Я думаю, ты всё же постучишься:
Ближайшее соседство - за версту,
А вечер погрузил моё жилище
Почти по окна в темень и листву.
Сползает со столба лианой провод,
И в лампе на исходе керосин.
И это ли не долгожданный повод,
Чтоб постучать без видимых причин?

Невесело, запущенно и дико
Мой дом произрастает из земли,
И вытоптана кем-то ежевика,
Которую собрать мы не смогли.
А слева от чернеющей дорожки
Наткнёшься ты, когда придёшь ко мне,
На скользкое негодное лукошко.
Где ягоды подгнившие на дне.

Тут без труда я приручила волка –
Всё оттого, что сходно с ним живу.
Его глаза - зелёных два осколка –
Пуускай сверкают по ночам во рву.
Хоть изредка скорбно, что не волчица,
Но не ропщу. Что, думаю, с того?
В конце-концов, ведь кто-то постучится –
В твоём обличье он, иль ты – в его.

Борис Кушнер

БОРИС КУШНЕР – известный математик, поэт, переводчик, эссеист и публицист. С 1989 г. живёт в США. Профессор математики Питтсбургского Университета. Многим памятно его «Открытое Письмо Шафаревичу», опубликованное в советском самиздате, а также в Израиле, Германии и США. Стихи, переводы и эссе Бориса Кушнера публиковались в Израиле, США, Германии, Италии, России, Украине, Казахстане и Белоруссии. Его творчество было предметом специальных программ радиостанций и телевидения в Израиле и США. Получили известность и неоднократно публиковались большие эссе «В защиту Антонио Сальери», «Одна, но пламенная страсть» (полемика с И.Р. Шафаревичем), «Больше, чем ответ» (полемика с А.И. Солженицыным), «Учитель» (к столетию со дня рождения А. А. Маркова, мл). В последнее время ряд произведений Бориса Кушнера был опубликован в сетевых журналах «Записки по еврейской истории» и «Еврейская старина» <http://berkovich-zametki.com/>. Борис Кушнер автор многочисленных математических работ, включая монографию, и шести книг стихов. Член международного Пен-Клуба и Союза писателей Москвы.

«Уникальность поэзии Бориса Кушнера в том, что всё живое для него – это одна большая Симфония. Никогда и ничем не прерываемая. Тишина тоже звучит. Многозначительно звучит. Ибо самим смыслом повествования, да и удивляющей нас системой соотношения причудливых ассонансов Кушнер создаёт особую атмосферу напряжённого вслушивания, сладостного ожидания звука, – звука-события... Его удивительные книги – «Причина печали», «Бессонница солнца», «Иней времени», «Эхо эпохи», «Причал вечности» – своего рода история музыки, которую, – ей же Б-гу, – можно с успехом изучать по стихам поэта, закрыв, как говорится, традиционные учебники.

И вряд ли ещё найдутся такие книги, где вереница контрастных композиторских стилей, детали драматургии построения музыки, её формы, те или иные особенности её жанрового наклонения, интонационной лексики, даже простые агогические или темповые штрихи, становясь объектом внимания поэта, превращались бы в подлинно художественные творения»

(Вл. Зак, доктор искусствоведения, Москва – Нью-Йорк)

**Светлой памяти Леонида Руховца
7 июня 1930 г. – 13 апреля 2008 г.**

МОЦАРТ

Свеча на столе – в терпком тепле,
В стиркой и кухней пропитанном доме,
Дети сопят в предрассветной истоме –
Реквием мой не дописан вполне...

Воздух предсмертным движеньем пронизан,
Реквием мой ещё не дописан,
Звуки ещё не нашли письма –
Спор продолжают Смерть и Она...

Реквием, Реквием – пёстрые реки,
Звонкие ссоры, ребяческий визг,
Жёлтое солнце смеётся из брызг...
Ночь уползает с упорством калеки,
Дети вздыхают и стонут во сне –
Реквием мой не дописан вполне...

Реквием, Реквием – вдруг и навеки,
Реквием, Реквием – руки на веки,
Пальцы твои пробегут вдоль ресниц,
Чёрною тенью опустишься ниц...

Ночь уползёт с поднебесной арены,
Снова на дымные улицы Вены
Выплеснет свет на могучей волне –
Реквием мой не написан вполне...

* * *

Я предал не страну, но дом
С его вполне нелепым бытом –
На этом корабле разбитом
Я был неважным моряком...
Я предал не страну, но дом, –
Он тонет, маленький «Титаник»,
В наплывах музыки и паник
И воду черпает бортом...
Я предал не страну, но дом
С его вечерними огнями
И запоздалыми друзьями,
Когда вокруг всё кувырком...
Я предал не страну, но дом,
Его уютные просторы
И ссоры и ночные споры,
На кухне утренний содом –
Я предал не страну, но дом,
И осень с долгими ветрами,
Упругость стёкол в старой раме,
Проспект, что скован первым льдом...
Я предал не страну, но дом,
И видно я не мог иначе –
Так о ненужной больше кляче
Заплачет вдруг цыган тайком,
И проглотить не сможет ком
Доселе неизвестной муки –
И, правда, – как разнять нам руки,
Когда извечный друг разлуки
Стоит предательство кругом? –
Я предал не страну, но дом...

ВАРИАЦИЯ-8

Она ворвалась в клубах пара,
За нею рвался птичий гам –
Внезапно, как ожог бекара
В потоке ре-минорных гамм.
Она сияла снежной пылью
Своих немислимых ресниц
И пылкой тягой к разностилю
Вне общепризнанных границ.
Я сразу сплёл узоры вздора,
Взорвался разноцветьем тем,
Но в строгом хладе ре-минора
Уже звучал мой Реквием.
О чем измерить в полной мере
Всю зависть Моцарта, когда
Богиня предпочла Сальери... –
А, впрочем, в этом ли беда?
Беда не в том, что выбор странен,
Что красота стремится вниз,
Не в том, что в полумраке спален
Венеру жаждет Адонис.
Беда не в тяжести удара,
Не в том, что в мире мы одни...
Беда – в наличие бекара,
Который женщине сродни.

ВАРИАЦИЯ-300

Л.К.

Всё просто и непостижимо,
Как утро, ночь, закат, восход... –
Как Смерть, которой подлежим мы
В урочный час, в урочный год...

И наше действие любое
Непостижимо, но не зря –
Как это небо голубое
В хрустальной раме Сентября...

СОНЕТ

Год угасает. Сумерки богов. –
Но пагодные крыши в белых шляпах
Упорно расточают мирный запах
Печей, каминов, топок, очагов.
И в свежем снеге сочный хруст шагов
Несовместим с космическим событьем,
С колоколами, Смерти ненасытьем,
Несокрушимым шествием веков.

Но Жизнь и в уязвимости права,
Отвергнув бесконечность Реквиема. –
И я пишу – слова, слова, слова... –
Пусть плоть – трава, зато бессмертна тема,
Что мир – Любовь, и что Любовь жива
В простых делах изгнанников Эдема.

ВАРИАЦИЯ 2-35 (РОМАНС)

По лесам облетала листва,
А лечить? – Ни на грош айболитства.
Осень в пепел. Зимы торжества.
В чёрном небе алмазна Каллисто.
А дорога за временем мглиста,
И мгновений шуршит береста,
И читает рапсодии Листа
Неуёмное сердце с листа.

* * *

Чем проще радость, тем полнее –
Потопом синь в окна проём... –
Наедине остаться с нею,
Молчать вдвоём.
Молчать, но обо всём на свете
Вести безмолвный разговор –
Пусть старость расставляет сети,
Пусть крепнет реквиемный хор.
И пусть видение могилы,
И луч звезды скользит по ней. –
Чем больше убывают силы,
Тем выше нежность и полней.

СОНЕТ

Мгновенья – слаще нет полона,
И в каждом – собственный напев. –
И Вольфганг – лира Аполлона,
И Людвиг – милосердья лев.
Творенья Чудо невесомо,
Но как кружится голова! –
И мир переполняет слово,
Созвучные Душе слова.
И пусть уносят нас мгновенья
Туда, где споры решены. –
О, нежной музыки волненье
На океане тишины...

Вот так плыву под Песню эту,
И мой ручей впадает в Лету.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Кошмаром снам, мечтою чащам
Вставало Солнце подлежащим.
Луча взъерошенный глагол
Поджѐг верхушек частокол,
И в миг по вышивке рассвета –
Все прилагательные цвета.
По небу – синяя вода...
Пропела птица: «где, когда?»
В ответ – поток летучих счастлих
Из обстоятельств и причастий,
Все части речи, что слились
В одну законченную мысль.
Как вздох, как глины обожженье
Сложилось утро в предложенье.

ВАРИАЦИЯ 3-50

На тьму наложено вето –
Света.
Теперь никаких теней!
Приходит Время Завета,
Наступление Дней.
И тьмы бесполезны уловки,
О, как злодеи слепы!
Повсюду звон перековки
Мечей в орала, в серпы.
Веселье под Любящим Оком, –
Имеющий Душу, внемли!
Осанна, Еврейским Пророкам,
Спасителям Звёзд и Земли.

* * *

А.

В острой жажде равновесья
Стонут струнами стволы... –
Поднебесье, поднебесье!
Запах ветра и смолы...
С чёрных сучьев-поперечин
Реки листьев – лета сок...
Лес и в смерти бесконечен,
Упоительно высок...
Небо отдано Икару,
В росчерках его пера...
Ветер мучит лес-гитару
От утра и до утра...

И на ледяном рассвете,
Где-то за оградой крыш
Слушаешь Ты песни эти
И не спишь, не спишь, не спишь...

КОНТРАПУНКТ

Но ливни память иссекут,
И в том когда-то –
Под неустроенность секунд –
Токката.
Колодец гулкий за окном,
Дрожит фрамуга... –
И птичий крик, обвитый сном, –
Рассвета fuga...
Шаги, как тайны Берейшит,
Самумы, вьюги...
Семь Дней Создатель
Завершит
Обвалом Фуги...
Но малярщина желтизна,
Лучей обмылки...
Той первой фуги новизна
Звенит в затылке...
Соединенья голосов,
Противоречья.
Душа закрыта на засов
У бессердечья...
Но всё же, корку разломив,
Отыщем соус. –
Ах, этот бесприютный миф, –
Любовь и Совесть...
Обрыв испуганных окон,
Тайн развенчанье...
Уже не fuga, а канон.
Без окончанья.

OBITER DICTUM

Ты шепнула мимоходом, –
Я едва успел вздохнуть... –
«Жду Тебя за Дальним Бродом,
Там, где тонок Млечный Путь»...

Шереметьево гудело
В круглосуточном бреду... –
Ты едва шепнуть успела –
«Я за Дальним Бродом жду»...

Солнце – каплею опала,
А над ним – аэроплан... –
Ты исчезла, Ты пропала
В черноте зазвёздных стран...

Но с тех пор я спать не в силах, –
Жду, когда придёт черёд
Где-то в звёздных Фермопилах
Пересечь Твой Дальний Брод...

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА РУХОВЦА

Закат – янтарная брошь...
Жаль мне до дрожи –
Май был безумно хорош –
Друг не увидел, не дожил...

* * *

И снова ветер по кругам,
И звёзды прежние на круги,
И тот же дождь, и те же вьюги,
И по рассветам – тот же гам.
Скрипач, смычок и та же гамма,
Баллада та же и сонет.
И тот же холст, и та же рама –
Да только нас на свете нет.

ВАРИАЦИЯ 4-3

Скачи, Пегас! Сверкай верстами!
Сквозь тучи пенную главу!
Так ураган ревет листьями,
Ломает сосны, гнет траву.
О, гордый конь, что рвет упряжки,
Как лев собачий карабин! –
Мы с чёртом пьем из общей фляжки
Кипящий, огненный рубин.
Не сладкозвучные аккорды,
Не парфюмерия Гуно –
Но ввысь! – заоблачны фиорды,
В которых Слово нам дано.
Пусть мачты сломаны у брига,
Пусть ночи в росчерках комет –
Так черпай свет в Концерте Грига,
Рождайся, солнечный Сонет!

ОГЛАВЛЕНИЕ

К Читателю	5
<i>БОРИС КОКОТОВ</i>	
Светлой памяти моих родителей	10
Несколько простых слов	13
Тишина	14
Зритель	15
Но если я вернусь	16
Аберрация	17
Оплывающая свеча	18
Перемена мест	19
Три ричеркара	20
Долгое прощанье	21
Урок Родной Речи	23
Терминальный марш	24
Зеркало	25
Мимикрон	26
К Музе	27
В сериале посмертной мечты	28
Художник	29
Браво, Сальери!	30
Концерто	31
Превращение	32
Дриада	33
Амарилис	34
Рефлексия	35
Анабиоз любви	36
Иллюзион	37
Диагноз	38
Жертвам солнечных затмений	39
Оранжерея	40
«Лама сабахтани?»	41
У храмовых ворот	42

Сотвори себе остров	43
Пробелы	44
Глаголы прошедшего времени	45
Черновики	46
Дом	47
Пантомима	48
Сражение не состоялось	49
Бросок	50
Звезда	51

ВЕРА ЗУБАРЕВА

Колыбельная	54
“В дождь сильнее привязанность к дому...”	55
Вена	56
Небо Италии	57
К Венеции	58
“Ночь состоит из ломаных линий...”	60
“Дети не знают, что происходит глубокой ночью...”	61
“Ныряет ночь...”	62
Стихи о волке	63
Два стихотворения	67
Море	68
Глубины	74
Ожидание	75
“Я живу вблизи океана – дикого зверя.”	77
Отпуск	78
Прогулка	79
К ракушке	80
Ушная раковина	81
Гадание по створке уха	82
Ребёнок	83
Пляж	85
Старухи	86
Одиночество	87
Размышления во сне	89

Смерть	90
Рим	92
Апельсин	93
Улитка	95

БОРИС КУШНЕР

Моцарт	98
“Я предал не страну, но дом”	99
Вариация-8 (“Она ворвалась в клубах пара”)	100
Вариация-300 (“Всё просто и непостижимо”)	101
Сонет (“Год угасает. Сумерки богов”)	101
Вариация 2-35 (Романс)	102
“Чем проще радость, тем полнее”	102
Сонет (“Мгновенья – слаще нет полона”)	103
Грамматический этюд	103
Вариация 3-50 (“На тьму наложено вето”)	104
“В острой жажде равновесья”	104
Контрапункт	105
<i>Obiter dictum</i>	106
Памяти Леонида Руховца	107
“И снова ветер по кругам”	107
Вариация 4-3 (“Скачи, Пегас! Сверкай верстами”)	107
Вариация 4-6 (“Не фея, что цветок лелеет”)	108
Еврейское кладбище в Варшаве	108
День памяти	109
“Синь занедужила слюдой”	110
“Вот уже и осень за углом”	110
“Мне снились бабушкины ноты”	111
“Давно не эпиталаму пою”	111
Вариация 4-90 (<i>Deus ex machina</i>)	112
“Чернеет Лета под веслом”	112
К 60-летию освобождения Освенцима	113
15 нисана 5765	113
Памяти Каталин Балла	114
“Найти письмо – как в сердце выстрел”	114

Вариация 5-16 (“Нас зазывали коммунисты”)	114
“Зонт, как небо, огромен”	115
Вариация 5-20 (“Узоры облачных вязаний”)	115
“Года, что как быки упрямы”	116
Вариация 5-21 (“Зудит критическая проза”)	116
“Неизбежность отторгая”	117
“И снова всем свинцовым весом”	117
“Отринуть все соблазны мира”	118
“Мефисто – в сто чертей виват”	118
“Ноябрь был необычно светел”	118
Сибелиус	119
“Я совершаю самосуд”	119
“Аэроплан был бешен”	120
“А сегодня всё сверкало”	120
“И шёпотом из-за черты”	120
“Утрата зрения и слуха”	121
“Очарованье словарей”	121
“Под окнами был юный лес”	121
Памяти	122
“Не печалуйся, ах, не печалься”	123
“До излёта взора”	123
22-е июня	124
“Лучи – сатиры Архилоха”	124
“Кислород, огни, каталка”	124
“Играл на скрипке новичок”	125
“Моё единственное тело”	125
“Погребальный запах лилий”	126
Вариация 5-65 (Лист)	126
“Рассвет ещё не тлеет даже”	127
Памяти Владимира Зака	127
Сонет (“И снова Солнце заходило”)	128
Вариация 5-76 (“Ручей. Раздолье для рептилий”)	129
“Пространства жаркая кора”	129
Сентябрь	130
“Осень лес пригубит”	130
Вариация 5-83 («Лесной царь»)	130

“Стихи, что я не сочино”	131
Памяти Александра Саца	131
“Я вспоминаю эти ночи”	132
“И снова восстаёт из праха”	133
Памяти Танечки Мухиной	133
“Я позабыл тот старый лес”	134
“Четверострочие. Квартет”	134
“Не мартовскими котами”	134
“Живей газет на сквозняке”	135
“В оврагах сугробы сопрели”	135
“Я вспоминаю эти марты”	136
“Утра свирели”	136
“Не пиши, милый друг, не пиши”	137
“Лететь в провал напрабую”	137
“Дождём пропитана земля”	137
Вариация 6-11 (“Бессвязных образов клубок”)	138
Вариация 6-13 (“Тревожны холмы-Голаны”)	138
“Город весел был, как Вакх”	139
“Солнце светит неустанно”	139
“По горизонту гроза бродила”	139